

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Издательство «Наука»

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РУКОПИСНАЯ КНИГА В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ВОСТОКА

(ОЧЕРКИ.)

Книга вторая

Главная редакция восточной литературы
Москва 1988

В становлении и развитии корейской культуры на протяжении почти двух тысячелетий (со времени появления на Корейском полуострове китайской иероглифической письменности в первые века нашей эры и по первую четверть XX в. включительно) рукописная книга играла очень важную роль. Даже после освоения ксилографирования (VIII в.), даже после изобретения подвижного металлического шрифта (XIII в.) в ходе длинной вереницы столетий «четырьмя верными друзьями в кабинете ученого» неизменно пребывали бумага и кисть, тушь и тушечница. Причем это была не просто рукопись, остававшаяся в «кабинете ученого», а именно рукописная книга.

В настоящее время нет специальных исследований, посвященных корейской рукописной книге, ее роли в истории культуры Кореи (во всяком случае, мы такими исследованиями не располагаем). Поскольку достаточно рано в Корее развилось ксилографирование и был изобретен первый в мире подвижный металлический шрифт, все усилия исследователей направлены на изучение именно печатной книги. В то же время очень многие рукописные книги до сих пор не только не изучены, но даже и не описаны сколько-нибудь удовлетворительно. Некоторые отмечены в каталогах только по названиям. Большое количество рукописных книг, особенно ранних периодов, не сохранилось. Дошедшие же до наших дней рукописи разбросаны по различным хранилищам мира, государственным и частным¹.

Исходя из вышеизложенного, задачу нашего очерка мы видим в том, чтобы показать эволюцию каждого из трех типов корейской традиционной книги (ксилографической, наборной и рукописной) на фоне общего развития культуры и особое значение рукописной книги, сохранявшееся вплоть до XX в.

¹ Перечень ряда современных государственных и частных хранилищ см. [Skillend, 1968, с. 30—34].

ПРОНИКНОВЕНИЕ БУДДИЗМА И КОНФУЦИАНСТВА НА КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Известно, что корейская национальная культура складывалась при сильном влиянии Китая, имевшего более древнюю и развитую цивилизацию. Китайские источники сообщают о торговых и военных контактах Китая с населением Корейского полуострова, имевших место уже в VIII в. до н. э. Однако достижения китайской цивилизации корейцы перенимали не механически, а творчески и развивали их во взаимодействии с национальной самобытной культурой. «Оценка результата культурных контактов не сводится к установлению пропорции „своего—чужого”. Она включает в себя проверку жизненности культуры — ее способности обогатиться, усвоив чужое и не утратив своего, существенно важного. В этом отношении корейская культура продемонстрировала свою жизнеспособность» [История Кореи, 1974, 32].

Одной из важнейших причин (если не самой главной) обращения корейцев к китайской цивилизации, в частности к государственной идеологии, явилась необходимость укрепления политической власти вана (монарха), возникшая потребность идеологически обосновать его господство. Естественно, что конфуцианство, известное в Корее уже в период разложения первобытнообщинного строя, детально разработавшее и теорию и практику управления государством, было охотно принято молодыми корейскими государствами — Когурё (37 г. до н. э. — 642 г.), Пэкче (18 г. до н. э. — 645 г.) и Силла (56 г. до н. э. — 646 г.). Видимо, в тот же период из Китая был воспринят и буддизм, который позднее стал государственной религией. Таким образом, правящие классы корейских государств с самого начала приняли политическую и религиозную доктрины для обоснования своей власти.

Конфуцианство, буддизм, даосизм (впрочем, не получивший в Корее в качестве религии значительного распространения) создали в Китае уже к началу II тысячелетия большую литературу, и на Корейский полуостров проникла не только китайская идеология, но и китайская иероглифическая письменность и китайская книга. Надо полагать, что книги первоначально попадали в Корею в очень ограниченном количестве, не исключено — единицами. Поэтому немедленно же возникла необходимость снятия рукописных копий. К сожалению, мы не имеем достоверных сведений на этот счет. Известно только, что в 372 г. монах по имени Сундо привез из Китая в Когурё буддийские книги и изображение Будды.

Не без книг явился, следуя через Китай, ко двору вана Пэкче Чхимню в 384 г. и индийский миссионер Марананда.

Сочинения буддийского содержания переписывались монахами и распространялись по храмам. Переписка буддийских книг поощрялась, поэтому ею занимались и верующие. После принятия буддизма как государственной религии возникло многочисленное корейское духовенство (причем священниками нередко становились представители аристократии, а иногда и родственники ванов), повсеместно возводились буддийские храмы, ставшие центрами изучения буддизма и китайской письменности. С возникновением местного буддийского духовенства появилась и местная буддийская литература, представленная различного рода комментариями (известны корейские проповедники Вонхё, Ыйсан и др.).

Наиболее ранними сохранившимися корейскими письменными памятниками (как рукописными, так и ксилографическими) являются именно буддийские сочинения. Это фрагменты рукописи Хечхо (VIII в.), крупнейшего буддийского ученого и проповедника, *Ван очхончхуккук чжон* («Повесть о посещении пяти индийских царств»). Фрагменты этой рукописи, считавшейся утерянной, были обнаружены в Дунхуане лишь в XX в. Как полагают историки, рукопись является не только записками о хождении к «святым местам» буддизма, но и «ценным историческим источником, повествующим о тогдашних государствах Индии и Средней Азии» [История Кореи, 1974, с. 100]. Самым древним корейским печатным текстом (он считается и самым древним в мире) также является буддийское сочинение — собрание священных текстов, обнаруженное на территории Южной Кореи в 1966 г. Ученые датируют этот текст 704—751 гг.

Разумеется, достаточно рано возникла в Корее и местная литература конфуцианского толка, связанная преимущественно с управлением государством. Одной из наиболее ранних книг, появившихся на Корейском полуострове, была *Юллён* («Законы и наставления»), датируемая 373 г., — свод законов, трактовавший государственно-правовые нормы [История Кореи, 1974, с. 49]. В то же время (т. е. в IV—VI вв.) в корейских государствах появляется летописание — *Юги* («Записки о минувшем») в Когурё, *Соги* («Летопись») в Пэкче, *Кукса* («История государства») в Силла. Эти историографические сочинения писались по китайским образцам и также — проникнутые конфуцианской идеологией — преследовали цель укрепления государственности, господствующей политической идеологии. Ни одно из них до наших дней не дошло, о них лишь упоминается в более поздних сочинениях. 273

Итак, китайская иероглифическая письменность, на которой были написаны конфуцианские и буддийские книги, проникла в Корею. Для того чтобы понять содержание этих книг, воспринять их идеи для последующего распространения, необходимо было эту письменность изучать. Государство оказалось заинтересованным в этом прежде всего, и, так же как центрами распространения буддийской религии стали храмы, центрами изучения и распространения конфуцианской идеологии сделались специальные школы. Первые школы на Корейском полуострове появились еще в период Трех государств. В Когурё в 372 г. была основана Тхэхак («Высшая школа»), в столице и провинциях существовали частные школы *кёндан* (кит. *цзюнтан*).

Об усиленном изучении конфуцианской философии в период Трех государств свидетельствуют записи в китайских исторических хрониках. Так, в *Цзю Тан шу* («Старой истории Тан») относительно обучения в Когурё сказано следующее: «[В Когурё] в обычае любовь к книгам. Даже в семьях торговцев и коневодов. На каждом перекрестке строятся большие дома. Они называются *цзюнтан* (храмы просвещения). Молодые люди до женитьбы днем и ночью читают книги и обучаются стрельбе из лука. Изучают *У-цзин*, *Ши цзи*, *Хань шу*, *Хоу Хань шу* Фань Е, *Сань-го чжи*, цзиньское [сочинение] *Чунь-цю* Сунь Шэна. Пользуются [словарями] *Юй пянь*, *Цзы тун*, *Цзы линь*, а также [антологией] *Вэнь сюань*. Ее особенно любят и ценят» [ЦзТШ, с. 1661].

В Силла в 682 г. открывается Кукхак («Государственная школа»), а в 788 г. для получения чиновничьей должности вводятся государственные экзамены, на которых главным требованием было знание конфуцианских классических книг. После объединения в VII в. всего Корейского полуострова под властью Силла и в связи с созданием единого централизованного государства с еще большей необходимостью встала проблема укрепления государственной власти не только силой оружия и закона, но и при помощи соответствующей идеологии. Судя по историческим данным, правители Силла прилагают максимум усилий для распространения и укоренения конфуцианства и буддизма — основных рычагов идейного закрепощения и подавления человеческой личности, стремятся увековечить существующее положение вещей. Растет число конфуцианских школ и буддийских храмов, множатся культурные контакты с Китаем (обмен учеными, книгами, отправка в Китай корейских студентов). В VIII в. Соль Чхон, выдающийся ученый эпохи Объединенного Силла, в целях упрощения восприятия конфуцианской идеологии применяет

йду — своеобразную систему передачи на письме корейского языка китайскими иероглифами (см. ниже).

Таким образом, можно сказать, что конфуцианство и буддизм на ранних этапах развития корейской национальной культуры, в период ее становления и стабилизации, сыграли, безусловно, положительную роль: они принесли с собой все, что необходимо для существования книги, — письменность, бумагу, тушь, кисть, наконец, они принесли с собой уже готовые тексты, уже готовую книгу, и, более того, книгу не только рукописную, но и (позднее) отпечатанную ксилографическим способом. Письменность и книга повлекли за собой не только развитие науки, духовной культуры, но и возникновение целого ряда ремесел, которых ранее Корея не знала, а также появление торговли предметами этих ремесел, что расширило торговлю в целом и оказало влияние на экономику страны.

НАЧАЛО КСИЛОГРАФИРОВАНИЯ

Если ранние эпохи корейской истории — периоды Трех государств и Объединенного Силла — можно, видимо, называть эпохами рукописной книги, то период Корё (X—XIV вв.) можно считать эпохой книги ксилографической. Когда в Корее впервые было освоено ксилографирование — точно неизвестно. Ряд исследователей полагает, что способ печатания книг с досок был заимствован в Китае в IX—X вв. Некоторые называют даже точную дату начала ксилографирования в Корее — 932 г., правда, тут же оговариваясь: «...более чем вероятно, что буддисты в Корее, подобно буддистам Китая и Японии, использовали печатные доски много раньше» [Bishop, 1965, с. 104]. Цянь Цунь-сюнь отмечает, что наиболее вероятной датой начала печатания книг ксилографическим способом в Китае следует считать VII—VIII вв. [Цянь, 1972, с. 7]. Видимо, в этот же самый период ксилографирование стало известно и в Корее. Во всяком случае, как уже говорилось выше, древнейший корейский ксилографический текст, найденный на территории Южной Кореи в 1966 г., датируется 704—751 гг. Из этого следует, что издание книг ксилографическим способом имело место еще в эпоху Силла (VII—X вв.).

Период Корё является этапом дальнейшего развития и совершенствования материальной и духовной культуры корейского народа. Объединение всей страны, прекращение бесконечных междоусобных войн создало большие возможности

для развития производительных сил, для развития культуры. В частности, это время ознаменовалось интенсификацией книгопечатания. Как и в предшествующие периоды истории Кореи, основными факторами, влияющими на развитие духовной культуры, явились идеология и религия. Централизованное государство, стремясь идеологически упрочить свои позиции, создало целый ряд учебных заведений, в которых главным образом преподавались основы конфуцианского учения. Первая школа в Корё была открыта при основателе династии — ване Тхэчжо в 930 г. А позднее, в 992 г., в Кэёне, столице Корё, была создана Кукчагам («Академия сынов отечества»). Появились государственные школы и в других крупных городах страны. Повсеместно открывались и частные школы².

В этот период широкое распространение получил буддизм — государственная религия Корё. Причем буддизм, как и конфуцианство, оказывал сильное влияние на политическую жизнь страны, так как буддистами были и сами ваны, и члены их семей, и высшие сановники. Видным деятелем и популяризатором буддизма был Ыйчхон (1055—1142), сын вана Мунчжона. Главными опорными центрами буддизма, как и прежде, были монастыри, при которых создавались буддийские школы. Выпускники этих школ назначались на государственные должности.

Для изучения и распространения конфуцианства и буддизма нужны были книги. Из-за нехватки книг встала проблема книгопечатания, причем особенную нужду в книгах испытывали провинции. Известно, например, что в 1056 г. из провинции в столицу поступил запрос выслать для школ более точные копии конфуцианских сочинений из библиотеки вана. Просьбу удовлетворили, в провинцию было отослано по одному экземпляру каждой книги, отпечатанной ксилографическим способом [Sohn, 1959, с. 97]³. Такие запросы побуждали правительство изготавливать больше деревянных блоков для местного пользования.

XI век характеризуется бурным развитием ксилографирования буддийской литературы. В 1007 г. была отпечатана «Дхарани-сутра», относящаяся к лучшим образцам печати

² Возникновение и развитие частных школ объясняется преимущественно тем, что в X—XI вв. в связи с нашествием киданей официальное конфуцианство переживало некоторый спад, и «истинные» конфуцианцы, в основном видные ученые, стремились распространять свое учение в организованных ими частных школах.

³ Из известных центров печатания ксилографическим способом отмечаются Сеул, Ансон (провинция Кёнгидо), Чончжу (провинция Северная Чолладо). См. [Skillend, 1968].

начального периода Корё. Наивысшим достижением искусства корейской традиционной ксилографии считается переиздание Трипитаки, привезенной из Китая в 991 г. Часть досок была вырезана уже к 1013 г.⁴ В первой половине XI в. было отпечатано также свыше шести тыс. цзюаней *Тэчжангён* («Большой свод буддийских сутр»). Во второй половине века было выпущено около пяти тыс. цзюаней *Сокчжангён* («Продолжение свода буддийских сутр»), изданных в специальной книгопечатне, открытой Ыйчхоном в монастыре Хваом. В последней четверти века гравировались доски Трипитаки и сочинений китайских буддистов. Печатание осуществлялось также под покровительством Ыйчхона. Эти книги большей частью были уничтожены во время монгольского вторжения в XIII в. [Sohn, 1959, с. 97].

Между Корё и Китаем существовали тесные политические, торговые и культурные связи. С ростом потребности в конфуцианских и буддийских книгах правительство Корё помимо интенсификации книгопечатания в собственной стране старалось получать необходимые книги в Китае — через свои регулярные посольства и посредством торговли⁵. Причем из Китая вывозились не только готовые книги, но и гравированные доски. Усилия Корё в приобретении и печатании книг привели к тому, что здесь оказался целый ряд редких китайских изданий, не сохранившихся в самом Китае. В 1091 г. Китай просил корейское посольство о передаче ему 117 наименований различных книг, что и было исполнено [Sohn, 1959, с. 97]. Утечка сунских книг в Корё приобрела такие масштабы, что вызвала беспокойство в Китае. Так, известный китайский писатель Су Дун-по (1036—1101) трижды заявлял протест против вывоза книг в Корё. Сунское правительство было вынуждено издать ряд указов, запрещающих вывоз книг за пределы Китая [Sohn, 1959, с. 97]⁶.

⁴ Уничтоженная во время монгольского нашествия (1232 г.) Трипитака вновь была переиздана — в течение 16 лет было вырезано более 80 тыс. досок, которые и поныне хранятся в храме Хэинса.

⁵ По свидетельству К. К. Флуга, одно из таких изданий, попавшее в Корею в конце XI в., а оттуда в Японию, сохранилось до настоящего времени. Это сочинение энциклопедического характера — *Чун гуан хуэй ши* в 50 цзюанях [Флуг, 1959, с. 213].

⁶ К. К. Флуг отмечает указ о розыске книг, изданный в 1122 г., а также сообщает, что «в 1092 г. в дворцовые книгохранилища поступило много редких книг и копий, найденных в Корее» [Флуг, 1959, с. 260—261]. Впоследствии вывоз книг из Кореи достиг значительного размаха, особенно в период правления династии Юань (1280—1368): «Юаньская империя не только эксплуатировала Корё, но и нанесла ущерб корейской культуре. Многие произведения искусства и архитектуры погибли в годы войны или были разграблены. В юаньскую столицу не раз вывозили книги древ-

Ограничение ввоза книг из Китая, вывоз их в Китай и все возрастающая потребность в книгах стимулировали развитие собственного книгопечатания в Корё, несмотря на ощущавшийся недостаток в необходимой для изготовления деревянных блоков древесине. Наиболее пригодной для ксилографирования является древесина твердая и мелковолоконистая. В Корее же было мало твердой древесины, такой, например, какая использовалась для ксилографии в Китае, — древесина грушевого дерева и жужуба. Самое распространенное дерево в Корее — сосна не годится для гравирования, наиболее подходящей из имеющихся там пород является береза. Но березы также было недостаточно, добывать ее в горах было трудно, и не всегда удавалось найти подходящие деревья⁷. Поэтому изготовление блоков обходилось довольно дорого.

XII век в истории Кореи отмечен интенсификацией книгопечатания, особенно после передачи деревянных блоков из хранилища вана организованному при «Академии сынов отечества» печатному двору. По мнению некоторых исследователей, книгопечатание Корё по масштабам почти равнялось сунской ксилографии [Sohn, 1959, с. 98]. И в результате постоянных и упорных усилий усовершенствовать книгу, найти более удобный и простой способ ее печатания в XIII в. был изобретен подвижный металлический шрифт.

ИЗОБРЕТЕНИЕ ПОДВИЖНОГО МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ШРИФТА

Первый в мире наборный шрифт (керамический) был изобретен в Китае в XI в. Однако это величайшее изобретение в отличие от Европы не нашло почти никакого применения в Китае: иероглифическая письменность, состоящая из десятков тысяч знаков, чрезвычайно затрудняла изготовление подвижного шрифта, делала его в ту эпоху очень дорогим и невыгодным. Наиболее удобным, наиболее приемлемым в Китае оставался ксилографический способ издания книг, тем более что в стране имелось много подходящей древесины для резки блоков и труд резчиков ценился весьма дешево. Поэтому вплоть до конца XIX в. наборный шрифт в Китае почти не применялся.

них писателей и ученых. В 1307 г., например, в Пекин отправили 185 томов корейских династических хроник. Как сообщает „Корёса“, „в это время люди неодобрительно говорили: не надо увозить в чужую страну хроники наших предков”» [История Кореи, 1974, с. 146].

⁷ М. Куран называет еще древесину вишневого дерева, которая использовалась в Корее для изготовления блоков [Courant, 1895, с. 43].

Иначе обстояло дело в Корее. Идею подвижного шрифта корейцы, вероятно, заимствовали из Китая. И несмотря на то что в Корее пользовались той же самой иероглифической письменностью, здесь начали печатание книг изобретенным подвижным металлическим шрифтом, хотя и очень ограниченным тиражом. Как уже говорилось, этому способствовала острая, все возрастающая потребность в книгах (особенно после того, как дворцовая библиотека, содержащая десятки тысяч книг, дважды — в 1126 и 1170 г. — опустошалась пожарами), ограничение ввоза их из Китая и нехватка подходящей для резки блоков древесины.

К сожалению, не сохранилось никаких источников, из которых можно было бы узнать точную дату первого применения подвижного металлического шрифта в Корее и получить какие бы то ни было иные сведения, относящиеся к первому изданию⁸. Однако теперь установлено, что первые книги наборным шрифтом были отпечатаны в Корее при династии Корё — в XIII в.⁹ Это был металлический шрифт, отлитый из меди. Одной из наиболее ранних книг (по мнению некоторых исследователей, первой книгой [Чхон, 1979, с. 11]), отпечатанных в Корее подвижным металлическим шрифтом, было сочинение *Санчжон емун* («Подробный и достоверный свод этикета»)¹⁰. Эта книга была издана в 28 экземплярах около 1234 г. на о-ве Канхва, где корёское правительство укрывалось во время монгольского нашествия¹¹. До наших дней ни один экземпляр этого издания не сохранился.

Изобретение подвижного металлического шрифта на Востоке, и в частности в Корее, не произвело столь резкого перелома в книгопечатании, как это случилось на Западе. Видимо, потому, что, как полагает большинство исследователей, иероглифическая письменность в отличие от буквенной с ее десятками тысяч сложных знаков не благоприятствовала

---

⁸ Исследователи объясняют это тем, что монгольские завоеватели уничтожили большинство книг и «истинных записей», которые велись придворными историографами [Sohn, 1959, с. 99].

⁹ Существует предположение о возможном применении подвижного шрифта в Корее и еще ранее — не позднее второй половины XII в. [Пак, 1959, с. 142—144].

¹⁰ Полное название этого сочинения, написанного Чхве Юньи, — *Когым санчжон емун* («Подробный и достоверный свод старых и новых правил этикета»).

¹¹ По крайней мере предисловие, написанное Ли Кюбо (1168—1241), где сообщается, что издание осуществлено посредством подвижного металлического шрифта, написано в это время. Само сочинение, состоявшее из 50 глав, не сохранилось, предисловие Ли Кюбо помещено в собрании его сочинений *Тонгук лисангук чжип* («Собрание сочинений Ли, главы Государственного совета Восточного государства»).

в то время широкому и всеобщему переходу к наборному шрифту. Кроме того, книга в Корее всегда считалась не только источником знания, но и произведением искусства. Ксилографирование же позволяло достигать факсимильного воспроизведения каллиграфической рукописи, чего не удавалось достичь при наборном книгопечатании, вначале еще не усовершенствованном. Поэтому понадобился довольно большой период, прежде чем ван Тхэчжон в 1403 г. вновь обратился к этому способу книгопечатания. К концу XV в. искусство наборной печати получило уже такое развитие и совершенство, что изданные этим способом книги по четкости и красоте печати не уступали ксилографам.

Более поздняя информация об отливке подвижного металлического шрифта в Корее содержится в сборнике Сон Хёна (1439—1504) *Ёнчжэ чхонхва* («Гроздь рассказов Ёнчжэ»). Там сказано: «В первый год Юн-лэ (1403 г.) Тхэчжон сказал своим приближенным: „Всякий, кто хочет управлять [народом], непременно должен очень много читать книг. Наша Восточная страна находится за морем (т. е. Корея от Китая. — Д. Е.), и китайские книги редко до нас доходят. А деревянные доски быстро изнашиваются. К тому же трудно вырезать [доски для] всех книг в Поднебесной. Поэтому нужно сделать шаблоны-иероглифы из меди, печатать [ими книги] и повсюду распространять их. Польза от этого поистине будет великой. [Для изготовления шаблонов] следует воспользоваться старыми записями [книг] „Ши цзин“, „Шу цзин“, „Цзо чжуань“ и по их [образцам] отливать иероглифы“. Это и послужило причиной изготовления литых иероглифов [для печатания книг]» [Полное собрание, т. 1, 1934, с. 80]¹².

Далее Сон Хён дает и описание способа отливки шрифта, а также отмечает еще целый ряд указов других ванов об отливке шрифтов. Корейцы отливали металлические шрифты из меди, свинца и железа. Кроме того, из-за дороговизны металла подвижные шрифты резались из дерева, изготавливались из обожженной глины и даже из коры тыквы [История Кореи, 1974, с. 242].

Разумеется, подвижный металлический шрифт обходился Корее не дешевле, чем Китаю: корейцы пользовались той же сложной для отливки иероглифической письменностью, к тому же Корея по сравнению с Китаем была страной более слабой в экономическом отношении, возможности которой были чрезвычайно ограничены. И тем не менее корейское

¹² Это высказывание вана Тхэчжона помещено также в корейской энциклопедии *Тонгук мунхон пиго*, составленной Хон Бонханом и др. в 1770 г. по указу вана Ёнчжо.

правительство шло на огромные, иногда непосильные расходы, регулярно — в течение 500 лет — издавая указы об отливке все новых и новых шрифтов¹³. Рвение к книгопечатанию подвижным металлическим шрифтом зашло так далеко, что в монастырях снимались колокола, по стране собиралась медная посуда, утварь и все это переплавлялось на шрифты.

Для чего же в Корее отливались шрифты и какие книги печатались набором? Династия Ли (1392—1910), как известно, была «конфуцианской» в отличие от предшествующей династии Корё — по преимуществу «буддийской». Это не значит, конечно, что буддизм при династии Ли пришел в полный упадок. Он всегда оставался единственным устойчивым религиозным учением в Корее, где нередко и сами ваны были ревностными его приверженцами. Известно, например, что по указу вана Сечжона его сыном (впоследствии — ван Сечжо) было составлено в 1447 г. на ханмуне *Сокпо санчжоль* («Жизнеописание Будды с подразделением на главы»), переведенное позднее на корейский язык, и при дворе было даже создано в 1461 г. «Ведомство по изданию буддийских книг» (Кангён тогам), которому было поручено печатать буддийские канонические сочинения в переводе на корейский язык. В Сеуле был построен знаменитый буддийский храм Вонгакса.

И тем не менее буддизм был значительно потеснен: неоднократно отторгались храмовые земли, а нередко закрывались и сами храмы, из многочисленных буддийских сект были оставлены только две и т. д. Позднее это ущемление буддизма отразилось и на книгопечатании. Поскольку подвижные металлические шрифты были собственностью ванов, буддийское сочинение, изданное набором, являлось редкостью. М. Куран замечает, что ему известна только одна буддийская книга, отпечатанная подвижным шрифтом, — *Вонгаккён* («Сутра о совершенном просветлении») [Courant, 1895,

¹³ Подвижный металлический шрифт был всегда уникальным, т. е. отливался в единственном экземпляре, и в случае его утраты (что происходило нередко) отливался новый. Каждый шрифт имел свое название, чаще по году его изготовления («шрифт года *кабин*» и т. д.). С XIII по XIX в. подвижные шрифты в Корее изготавливались 25 раз: из меди — 18, из свинца — 1, из железа — 1, из дерева — 5 (см. [Энциклопедия корееведения, 1972, с. 154—155]). Многие наборные шрифты были уничтожены во время войн, пожаров и т. д., а также вывезены из Кореи, например, в Японию, где именно с этого и началось, как полагают некоторые исследователи, печатание подвижным шрифтом [Петрова, 1956, с. 8; Sohn, 1959, с. 102]. В настоящей же книге, в очерке В. Н. Горегляда «Рукописная книга в культуре Японии», отмечается факт вывоза в 1592 г. корейских шрифтов в Японию, однако начало книгопечатания в этой стране связывается только с европейским влиянием.

с. 52]¹⁴. Буддийские книги издавались большей частью за счет монастырей и пожертвований верующих ксилографическим способом или переписывались от руки.

Набором же печатались главным образом книги конфуцианского канона, причем каждый раз они печатались только с разрешения и указания самого вана: книгопечатня принадлежала дворцовому ведомству. Книги издавались на самой лучшей, дорогой бумаге, как правило, в очень ограниченном количестве экземпляров, после чего набор рассыпался. Поэтому, несмотря на многовековое существование книгопечатания набором в Корее, такие книги всегда (а тем более в настоящее время) являлись редкостью, оставаясь даже в единственном экземпляре, а иногда и утрачивались вовсе. Некоторые печатные издания смогли быть восстановлены только благодаря тому, что они сохранились в рукописных списках. Тем не менее в истории эволюции корейской книги период правления династии Ли можно назвать периодом развития и совершенствования книгопечатания подвижным металлическим шрифтом, наборной печати. Однако такое определение этого периода совсем не означает, что книга стала исключительно или по преимуществу наборной. Наиболее распространенными продолжают оставаться книги ксилографические и рукописные, особенно последние, так как проще всего и дешевле было снять рукописную копию с нужного сочинения.

По общему мнению исследователей, XV век является временем интенсивного развития материальной и духовной культуры корейского народа. В связи с рядом реформ, предпринятых новой династией, наметился значительный прогресс в социально-экономической жизни страны. Произошли сдвиги в области сельского хозяйства, бурно стали развиваться ремесла, оживилась внутренняя и внешняя торговля. Быстро стали расти города, интенсивно развивались естественные науки, философия, общественная мысль, различные виды искусства. Это был и век создания оригинальной буквенно-звуковой национальной письменности.

ИЗОБРЕТЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Говоря о книге (рукописной или печатной), нельзя не сказать хотя бы несколько слов о письменности, особенно в тех

¹⁴ См. также [Энциклопедия корееведения, 1972, с. 233]. В статье Чхон Хебона «Первопечатники Корё» приведено фото двух страниц текста буддийского содержания, отпечатанного в 1377 г. с помощью наборного металлического шрифта [Чхон, 1979].

случаях, когда, как это было в Корее, письменность прошла очень длительный путь развития, претерпела различные видоизменения и, наконец, когда литература была двуязычной. В Корее использовались *ханмун* (корейизированный вариант китайского литературного языка вэньянь) и *онмун* (корейская буквенно-слоговая письменность). Употреблялось и так называемое *иду* — особая система письменности, приспособленная для передачи корейского языка с помощью китайской иероглифики.

В древности корейский народ не имел своего письменного языка, и самой ранней письменностью, проникшей в Корею на рубеже нашей эры, была китайская иероглифическая письменность. Как известно, она проникла из Китая вместе с китайскими каноническими конфуцианскими и буддийскими книгами, которые затем вызвали к жизни обширную местную комментаторскую литературу. В корейских государствах — Когурё, Пэкче и Силла — китайская письменность была признана официальной, разговорным национальным языком был корейский (очевидно, различные диалекты корейского языка этих трех государств). Владела же китайским языком и письменностью ничтожно малая часть населения, и это сильно препятствовало распространению конфуцианских и буддийских идей, использовавшихся правящими классами для обоснования и упрочения своего господства. Именно поэтому стали предприниматься попытки приспособить китайскую иероглифическую письменность для передачи лексики и грамматики корейского языка на письме.

Изобретателем такого письма (которое имело несколько разновидностей и названий, позднее наиболее распространено было *иду* — «чиновниче письмо») считается ученый Соль Чхон (VIII в.), который, согласно традиции, при помощи этого письма составил на языке Силла комментарии на книги конфуцианского канона. Однако попытки передать местную речь средствами китайской иероглифики предпринимались и до Соль Чхона: известна стела с надписью на *иду*, относящаяся к VI в. Соль Чхон, видимо, внес в эту систему письма некоторые усовершенствования, возможно несколько упростил знаки, закрепил за ними более определенное значение и т. д. Несмотря на то что эта письменность просуществовала многие столетия (вплоть до XIX в.), она не получила широкого распространения ввиду трудности ее изучения и понимания и использовалась главным образом в делопроизводстве (отсюда и ее название — «чиновниче письмо»¹⁵).

¹⁵ Подробно об этом, а также обширную библиографию см. [Наставление, 1979].

Событием огромной важности в истории корейской культуры, в частности в истории развития книги, было изобретение в XV в. корейской национальной письменности — *онмун*. Традиция приписывает изобретение онмуна вану Сечжону. Известны заявления Сечжона по поводу новой письменности: «Звуки речи в [нашей] стране в отличие от Китая не передаются надлежащим образом письменными знаками. Поэтому [среди] невежественных людей много таких, кто хочет [что-то] сказать, но никак не может выразить своих мыслей [на письме]. Сожалея по этому поводу, я заново создал двадцать восемь знаков. Желая лишь, чтобы всем людям было легко овладеть [ими] и удобно пользоваться каждый день» [Наставление, 1979, с. 23]. И далее: «Если передать „Самган хэнсилъ” („Образцовое соблюдение трех нравственных начал”. — Д. Е.) в онмуне и распространить его среди народа, то даже невежественный мужик или баба смогут легко все понять, и тогда непременно появятся и верные чиновники, и почтительные сыновья, и целомудренные женщины...» [Наставление, 1979, с. 33].

Если в первом своем заявлении Сечжон не указывает, какова главная цель введения алфавита, и лишь «сожалеет, что невежественные люди не могут выразить своих мыслей на письме», то во втором основная задача поставлена совершенно отчетливо: здесь речь идет уже не столько о предоставлении возможности «невежественным людям» выразить свои мысли посредством новой письменности, сколько о необходимости внушить им совершенно определенные мысли, а именно конфуцианские идеи, которые способствовали бы укреплению централизованного феодального государства (свои религиозные цели преследовали, несомненно, и буддисты). Иными словами, вводя новую письменность, Сечжон преследовал ту же цель, что и Тхэчжон, повелевший отлить подвижный шрифт из меди (см. цитированный выше указ). Именно укрепление власти вана путем широкого распространения и внедрения в умы конфуцианских идей послужило главным стимулом и расширения книгопечатания (изготовление все новых и новых шрифтов), и введения корейского алфавита. Поэтому естественно, что первым сочинением, в котором была использована новая письменность, явилась *Ёнби очхонга* («Ода дракону, летящему в небе», 1445 г.), прославляющая правящую династию¹⁶.

Л. Р. Концевич в книге, посвященной исследованию пер-

¹⁶ «Ода» была и самым первым художественным произведением, опубликованным на корейском алфавите. Правда, как предполагают, оригинал ее был написан все же на ханмуне.

вого памятника корейской письменности, «Наставление народу о правильном произношении», говоря о цели и истоках введенного алфавита, приходит к выводу, что «первейшей целью было установление точной транскрипционной передачи звучания китайских иероглифов» и что «наиболее вероятным источником лингвистической теории у изобретателей корейского алфавита могло быть традиционное китайское учение о рифмах, которое они творчески переосмыслили применительно к своему языку» [Наставление, 1979, с. 26]. Формы же корейских букв и их система, по мнению Л. Р. Концевича, возникли из «метафизических построений сунской натурфилософии, восходящих к древнекитайскому космогоническому учению о пяти стихиях (первоэлементах) и двух полярных силах — Инь (Тьма) и Ян (Свет), а также к „теории образов и [мантических] чисел” „И цзин” („Книга перемен”) и его комментариям, особенно „Сицы чжуань” („Традиция об афоризмах”)» [Наставление, 1979, с. 27].

Об истоках корейского письма существует целый ряд гипотез. Известно, что ко времени его изобретения многие «неханьские» народы Дальневосточного региона — кидани, тангуты, чжурчжэни, японцы — уже имели свои письменности, созданные на базе китайского иероглифического письма. Кроме того, буддизм принес в Корею письмо брахми и тибетское письмо, известны были корейцам уйгурский и монгольский алфавиты¹⁷. Поэтому первые ваны династии Ли, стремившиеся к созданию своего, «династийного» письма, имели широкие возможности для заимствования если и не графики той или иной письменности, то, во всяком случае, самой ее идеи.

Однако изобретенная национальная письменность считалась недостойной образованного человека, недостойной «высокой» литературы (философской, научной, художественной и т. д.), она предназначалась для простолюдинов, женщин и детей. В течение огромного исторического периода в Корее единственно приемлемым средством передачи информации и мысли на письме считался иероглифический текст. Очень много произведений создавалось на ханмуне — корейизированном варианте китайского языка. С помощью иероглифики — системы йду — записывались и сочинения, созданные на корейском языке.

Правящий класс феодальной Кореи, с одной стороны, был вынужден изобрести и распространить в народе онмун —

¹⁷ Существует предположение, что онмун первоначально возник в буддийских монастырях и только позднее им заинтересовалось государство, усовершенствовало его и стало распространять [Наставление, 1979, с. 28].

этого требовали интересы управления, с другой — не признавал эту письменность, всячески принижал ее и иногда даже «боролся» с нею. Известно, что с самого начала наиболее ортодоксальные представители правящего класса были против обнародования онмуна. Они не побоялись даже выступить против вана Сечжона, настаивавшего на его введении [Наставление, 1979, с. 32—33]. Со временем, когда именно национальная письменность превратилась в средство выражения идейных тенденций бесправных классов (XVII—XIX вв.), она стала даже иногда преследоваться правящей верхушкой, выражавшей свою идеологию, свои интересы посредством китайской иероглифической письменности. Таким образом, борьба классов отразилась в какой-то мере и в борьбе языков, письменностей. Так, известно, что еще деспот Ёнсангун (1495—1506) запретил употребление национальной письменности и приказал сжечь книги на онмуне за то, что народ распространял листовки на онмуне, осуждавшие его [История Кореи, 1974, с. 214]. Корейская национальная письменность так и не стала официально основной государственной письменностью вплоть до конца XIX — начала XX в., хотя очень многие сочинения (особенно художественная литература, и главным образом народная художественная литература, базировавшаяся, как правило, на фольклоре, а также переводы и комментарии классических конфуцианских и буддийских книг) создавались в корейской графике или переводились на нее с ханмуна.

Несмотря на интенсивное развитие естественных наук, искусства и литературы в XV—XVII вв., основным направлением духовной деятельности правящего класса продолжает оставаться и приобретает все больший размах внедрение неоконфуцианской идеологии. Учение Чжу Си стало проникать в Корею с XIII в. — ввозились конфуцианские книги, которые затем неоднократно переиздавались здесь и переписывались. «Три начала» и «пять основных норм» человеческих отношений чжусианской этики были идеологической базой феодального государства. Первым и главнейшим учебником каждого человека, определяющим его нравственное воспитание, было *Сяо сюэ* («Малое учение»). Исследователи отмечают, что среди конфуцианских сочинений эта книга занимала в Корее первое место по своему тиражу [Чон, 1966, с. 157]. И малейшая попытка усомниться, а тем более критиковать то или иное положение чжусианства жестоко преследовалась.

Возникшее в этот период (XVI—XVII вв.) в значительной степени под влиянием западной культуры прогрессивное про-

светительское движение «Сирхак» («За реальные знания») нашло многочисленных сторонников среди передовых ученых, писателей, государственных деятелей. Суть этого движения выражена в его названии: следует заниматься реальными, т. е. имеющими практическую ценность для общества, науками, а не начетническим изучением и комментированием конфуцианских классиков (хотя формально представители «Сирхак» и оставались на позициях конфуцианства). Сторонники этого движения выдвигали и ряд социальных требований: пересмотр системы землевладения, законодательства, образования, реорганизация административного аппарата и т. д. Чрезвычайно важной в их доктрине была мысль о самостоятельной ценности человеческой личности: «Главное — способности каждого человека, в соответствии с ними он и должен занимать место в государственном управлении. Представители движения „Сирхак“ сумели подняться до мысли о необходимости избрания короля всем населением страны (Чон Дасан) и создания идеального общества, где все были бы равны (Пак Чивон)» [Тягай, 1971, с. 150].

Разумеется, подобные идеи вызывали яростный отпор конфуцианцев-ортодоксов. Сторонники движения «Сирхак» подвергались гонениям — отстранялись от государственных постов, ссылались, напечатанные книги их уничтожались и, уж конечно, не издавались новые. Поэтому очень многие важнейшие сочинения представителей «Сирхак» существовали долгое время лишь в виде рукописных книг. Так обстояло дело, например, с *Сонхо мунчжип* («Собранием сочинений Сонхо») Ли Ика (1682—1764), известного деятеля «Сирхак», писавшего о необходимости переустройства общества. «Собрание» было опубликовано только в XX в. Запрещены были и книги выдающегося корейского ученого и писателя Пак Чивона (1737—1805).

Произведения представителей «Сирхак», так же как и вся «высокая» литература, создавались на ханмуне (некоторые из них, возможно, и переводились на корейский язык). На онмуне же записывались (как правило, неизвестными авторами) сказки, легенды и предания, народные рассказы и анекдоты.

Переводились на корейский язык и обрабатывались многие произведения китайской литературы, переводились с ханмуна и корейские произведения. Появилось также немало книг на так называемом «смешанном письме», т. е. когда текст записывался в иероглифической графике с одновременным использованием алфавитной (корейской буквенно-слоговой), с помощью которой передавались главным образом

грамматические показатели. Очень редко, но все же встречались художественные произведения на письме йду.

Таким образом, очень многие произведения бытовали и на ханмуне, и на онмуне, переводились с одного языка на другой (в том числе и с онмуна на ханмун). Что же касается таких произведений, как *Ёнби очхонга* («Ода дракону, летящему в небе», XV в.), *Ёровон яхваги* («Ночная беседа в Ёровоне», XVII в.), то исследователям не удалось установить, на ханмуне или на онмуне они были первоначально созданы. Так, по каталогу В. Е. Скилленда [Skillend, 1968], на различных видах письменности существуют, например, следующие классические повести, имевшие хождение также и в виде рукописной книги:

а) на ханмуне и на онмуне: *Пёнчжа нок* («Запись года Пёнчжа») [№ 133], *Ленюй чжуань* («Жизнеописания знаменитых женщин») [№ 262], *Оннумон* («Сон в Яшмовом павильоне») [№ 276], *Ёровон яхваги* («Ночная беседа в Ёровоне») [№ 301];

б) на ханмуне: *Куунмон* («Облачный сон девяти») [№ 31], *Сасси намчжонги* («Путешествие госпожи Са на юг») [№ 149], *Чхонгу ядам* («Ходячие рассказы страны Зеленых холмов») [№ 448], *Хёэльчжи* («Записки о сыновней почтительности») [№ 528];

в) на онмуне: *Квак Чжеу чжон* («Повесть о Квак Чжеу») [№ 26], *Ким сансо чжон* («Повесть о министре Киме») [№ 54], *Союги* («Путешествие на Запад») [№ 171], *Хонгильдон чжон* («Повесть о Хонгильдоне») [№ 500];

г) на смешанном письме: *Сосан ги* («Записки о Западном флигеле») [№ 169], *Оннинмон* («Сон яшмового цилиня?») [№ 277], *Чиндэпан чжон* («Повесть о Чэнь Да-фане») [№ 432];

д) на онмуне с припиской к некоторым словам их значений на ханмуне¹⁸: *Оннумон* («Сон в Яшмовом павильоне») [№ 276б], *Лимкёноп чжон* («Повесть о Лим Кёнопе») [№ 363];

е) на йду: *Васа окан* («Речи Лягушки и Змеи в тюрьме?») [№ 294]¹⁹.

Таким образом, и в языковом отношении, и в отношении использования письменностей корейская традиционная литература (в том числе и рукописная книга) была довольно многообразной.

¹⁸ В корейском языке очень много слов китайского происхождения. Будучи записанными в корейской графике (без иероглифов), они не всегда понятны читателю. Поэтому в таких случаях нередко рядом со словом в корейской графике дается его иероглифическое написание.

¹⁹ В. Е. Скилленд отмечает, что эта сатирическая судебная повесть — единственное произведение в этом жанре, написанное на йду.

При династии Ли дальнейшее развитие получила система образования и воспитания. Значительно увеличилось число школ, как государственных, так и частных, причем число последних быстро росло, и в конце XV в. в системе школьного воспитания и образования они преобладали. В школах высших и низших, столичных и провинциальных главное внимание уделялось по-прежнему идейно-нравственному воспитанию учащихся, которые в основном готовились к государственной деятельности. Идеологическими «опорными пунктами» в провинциях в этот период становятся конфуцианские храмы — *совон*. В XVI—XVII вв. их насчитывается уже около 250. При каждом таком совоне имелась школа [История Кореи, 1974, с. 245].

Еще при основателе династии, ване Тхэчжо (1392—1398), в 1398 г. в северной части Сеула была построена высшая школа — Сонгюнгван²⁰. Это был целый комплекс строений, куда входили храм Конфуция (Мунмё), помещение для занятий (Мёнрюндан) и библиотека (Чонгёнгак), в которой были собраны десятки тысяч книг²¹. Помимо Сонгюнгвана в Сеуле имелись Сахак («Четыре школы»), называвшиеся по кварталам Сеула, где они были расположены, — Центральная, Южная, Западная и Восточная. В провинциях и уездах функционировали сельские школы — *хянгё*. Отличившиеся студенты «Четырех школ» столицы и провинциальных школ могли поступить в Сонгюнгван, где число учащихся колебалось, однако, всего в пределах ста человек. Учиться в Сонгюнгване могли дети представителей правящих классов, а также торговцев, зажиточных ремесленников и крестьян. При прохождении учебного курса в Сонгюнгване было строго регламентировано количество дней для изучения книг. Отводилось 10 дней на *Да сюэ* («Великое учение»), 20 — на *Чжун-юн* («Учение о середине»), по 40 дней — на *Лунь-юй* («Беседы и суждения») и *Мэн цзы*, по 60 дней — на *Шу цзин* («Книгу документов»), *Ши цзин* («Книгу песен»), *Чунь-цю* («Весны и осени»), по 70 дней — на *И цзин* («Книгу перемен») и *Ли цзи* («Книгу установлений») [Ким Тонюк, 1973, с. 161].

²⁰ Прежде она находилась в Кэсоне. Первоначально это учреждение называлось Кукчагам (см. выше); университет Сонгюнгван в Сеуле существует и поныне.

²¹ Библиотека эта существовала еще со времени правления Сончжона (982—997) и с тех пор постоянно пополнялась. Однако ко времени Чончжо (1777—1800), согласно записям этого периода, большинство полок оказались пустыми [Ким Донюк, 1973, с. 147—148].

Большую роль в развитии корейской науки и культуры сыграл ван Сечжон (1419—1450) — один из образованнейших людей своего времени. Стремясь сконцентрировать лучшие научные силы страны, он создал специальное учреждение Чипхёнчжон («Палату мудрейших»). И хотя основной целью деятельности «Палаты мудрейших» было укрепление государственности посредством изучения и распространения в стране неоконфуцианской идеологии, она сыграла выдающуюся роль и в развитии естественных наук, в накоплении практических знаний об окружающем мире, в развитии культуры в целом.

Не исключено, что библиотеки или какие-то хранилища письменных документов и книг в Корее имелись уже в период Объединенного Силла (а может быть, и еще ранее), однако сведений об этом нет. Вероятно, книгохранилища создавались в буддийских храмах, а также при дворцах ванов. Что же касается периода Корё, то известно, что существовал так называемый Пигаг («Сокровенный зал»), где хранились секретные государственные документы, книги и т. д. Пользоваться этим хранилищем, естественно, могли только сам ван и высшие придворные сановники. В период правления вана Сончжона (982—997) в 990 г. в Согёне (ныне Пхеньян) был учрежден Сусовон («Ведомство по изучению книг»), совмещавший школу и библиотеку. Здесь хранились исторические сочинения, студенты должны были изучать эти книги и делать из них выдержки. Кроме того, в «Ведомстве по изучению книг» составлялись и редактировались сочинения, а также снимались с них рукописные копии. Помимо этого учреждения в г. Кэсоне была библиотека Писовон («Сокровенное хранилище документов и книг», называлась также Осовон — «Хранилище государственных книг»), принадлежавшая семье вана. Это собрание содержало 20—30 тыс. квонов (кит. *цзюань*)²². Существовала и еще одна библиотека семьи вана — Помунгак («Зал драгоценных сочинений») [Энциклопедия корееведения, 1972, с. 88].

С воцарением династии Ли количество библиотек в Корее значительно увеличилось. Как уже говорилось, очень много книг ввозилось из Китая, многочисленные сочинения писались и издавались в самой Корее. В этот период продолжали существовать библиотеки при буддийских храмах, которые всегда являлись центрами грамотности, книжности, ксилографирования, создания рукописной книги. В своем сборнике *Ёнчжэ чхонхва* Сон Хён рассказывает, что ван Сечжон посы-

²² Первоначальное значение — «свиток»; позднее — книжная единица объемом 20—30 л.

дал некоторых гражданских чиновников в буддийские храмы Чингванса и Чанъыйса читать книги. То же было и при Сончжоне (1470—1494). Далее Сон Хён сообщает, что на южном берегу р. Ханган в местечке Квиху был буддийский храм, монахи которого славились своей святостью. Но вдруг стало известно, что один из них женился и жена его родила ребенка. После расследования этого дела в Сахонбу («Ведомство законов»)²³ монах был вновь обращен в мирянина, изображение Будды перенесено в храм Хынчхонса, а храм в Квиху был передан Хонмунгвану («Палате высокой учености»)²⁴. Чиновники Палаты по очереди стали читать здесь книги и называли этот храм Токсодан («Дом для чтения книг») [Полное собрание, 1934, с. 102].

О Токсодане пишет и Ким Анно (1481—1553) в сборнике *Ёнчхон тамчжокки* («Рассказы Ёнчхона, написанные в уединении»). Он также сообщает, что Сончжон первым из ванов стал освобождать на время от службы нескольких чиновников и давал им возможность пополнить свои знания в том или ином буддийском храме. Другие ваны также посылали на учение в храм Ёнсандан по три-четыре человека. Учебный отпуск продолжался один месяц. Впоследствии стали отбирать по семь человек и заставляли их учиться в течение одного года. При этом им предоставлялись бумага, «государевое вино и изысканная пища» и все необходимое. Позднее храм Ёнсандан был расширен — отстроены главное здание, кухня, склад, конюшня, ограда. После завершения строительных работ ван Сончжон приказал Чо Ви²⁵ сделать запись, объясняющую назначение и историю Токсодана, а также написать крупными иероглифами *Токсодан* и эту надпись прикрепить на воротах. Далее Ким Анно сообщает, что при деспоте Ёнсангуне (1495—1506) Токсодан пришел в упадок, а при Чунчжоне (1506—1544) вновь был восстановлен [Полное собрание, 1934, т. 3, с. 130]. Из истории известно, что Токсодан неоднократно закрывался и открывался вновь, в результате же войны с маньчжурскими завоевателями (1637 г.) был упразднен окончательно.

Несмотря на утрату многих и многих книг во время войн, пожаров и других бедствий, количество их в период династии Ли продолжало увеличиваться. Поэтому все ученые заведения, такие, как Чипхёнчжон, Хонмунгван, Кючжангак, имели

²³ Сахонбу — в средневековой Корее верховный судебный орган, ведавший соблюдением законов и состоянием нравственности.

²⁴ Придворная палата ученых.

²⁵ Чо Ви (1454—1503) — ученый и государственный деятель во время правления вана Сончжона.

свои библиотеки. Ключжангак — дворцовая библиотека, в которой хранились сочинения ванов и сочинения, написанные по их повелениям, генеалогические таблицы, завещания и т. п. Здесь же хранились и другие, самые различные книги — всего более 128 тыс. квонов. Ключжангак была создана в 1776 г. и просуществовала по 1894 г. После аннексии Кореи Японией в 1910 г. библиотека находилась в ведении японского генерал-губернаторства. В настоящее время эти книги хранятся в центральной библиотеке Сеульского университета [Энциклопедия корееведения, 1972, с. 79].

Период правления вана Сечжона считается наиболее замечательным в истории развития корейской культуры. Основным стимулом такого культурного «взрыва», очевидно, послужили социально-экономические и политические причины: централизация и укрепление феодального государства, ряд реформ в области сельского хозяйства и ремесла, расширение внутренней и внешней торговли, рост городов и т. д. Немаловажной причиной явился, конечно, и высокий уровень развития культуры при прежней династии — Корё, что обеспечило солидную базу для развития культуры при династии Ли. К «внутренним импульсам» (с нашей точки зрения, совершенно справедливо) Л. Р. Концевич относит «стремление к систематизации во всем, навешанное в немалой степени учением Чжу Си, и... осознание своего, корейского, т. е. подъем национального духа, в условиях китайского конфуцианского устройства мира» [Наставление, 1979, с. 18].

В начальный период правления династии Ли пишутся и издаются книги: по астрономии — *Чхиль чончжан нэпхён* («Расчет движения семи планет. Местные источники», 1444 г.); по географии — *Пхальтто чири чжи* («Географическое описание восьми провинций», 1432 г.)²⁶; по сельскому хозяйству — *Нонса чиксоль* («Все о земледелии», 1430 г.); по медицине — *Хяняк чипсобан* («Рецепты приготовления корейских лекарств», 1488 г.), *Ыйбан ючхви* («Собрание сведений по лекарскому искусству», 1477 г.), *Тоный погам* («Сокровищница восточной медицины»²⁷); по управлению и юриспруденции — *Чипхён ёрам* («Руководство по водворению мира»), *Кёнчже юкчон* («Шесть уложений по управлению страной»), *Кёнгук тэчжон* («Великое уложение для управления государством», 1485 г.). Завершается составление и публикуется история предшествующей династии — *Корёса* («История Корё», 1451 г.), выходит в свет *Тонгук тхонгам* («Об-

²⁶ *Восемь провинций* — т. е. вся Корея.

²⁷ *Восточная медицина* — корейская медицина, восточная по отношению к Китаю.

щее обозрение истории Кореи», 1485 г.) и целый ряд других исторических сочинений.

Были также написаны и изданы книги по конфуцианскому церемониалу и этике — *Кукчо орёый* («Пять родов церемоний правящей династии»), *Самган хэнсиль до* («Образцовое соблюдение трех нравственных начал, с рисунками»). Сон Хён в сборнике «Гроздья рассказов Ёнчжэ» указывает более тридцати названий книг (нередко многотомных), изданных только при Сончжоне. Сюда входят такие важные для изучения корейской культуры сочинения, как *Тон мун сон*, *Тонгук тхонгам* и др.; классические китайские сочинения и династийные истории — *Ши цзи*, *Цянь Хань шу*, *Хоу Хань шу*, *Цзинь шу*, *Тан шу*, *Сун ши*, *Юань ши* и многие другие. Были изданы также собрания сочинений целого ряда корейских писателей — «Собрание сочинений Сага» Со Кочжона, «Собрание сочинений Сику» Ким Суына и др.

Однако, несмотря на широкое развитие ксилографирования, несмотря на освоение и усовершенствование наборной печати, печатная книга в средневековой Корее так и не смогла стать массовой. Поэтому непреходяще важную роль продолжала играть рукописная книга.

КОРЕЙСКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА.

Бумага

Вряд ли корейские книги когда-либо писались на бамбуковых планках или на шелку (как первоначально в Китае): в Китае ко времени проникновения письменности в Корею был уже известен такой удобный материал для письма, как бумага.

Когда впервые стала использоваться бумага в Корее — достоверно неизвестно. В «Энциклопедии истории корейского государства» [Кукса, 1975, с. 1448] предполагается, что это произошло около VII в., в период Объединенного Силла. Возможно, бумага как материал для письма стала употребляться в Корее и ранее VII в.: вряд ли буддийские миссионеры несли в IV в. из Китая в Корею громоздкие деревянные «книги» (которые перевозились в повозках), тем более что бумага уже употреблялась в Китае. Маловероятно также, что летописи и другие сочинения периода Трех государств писались на бамбуковых планках.

Распространение в Корее конфуцианства и буддизма посредством рукописного копирования китайских книг, обуче-

ние в школах и храмах, написание сочинений на экзаменах, а также ведение административной документации²⁸ — все это настоятельно требовало не ограничиваться ввозом бумаги из Китая (что, вероятно, имело место), а наладить ее производство в самой Корее²⁹. Известно, что еще в период Трех государств и особенно в период Объединенного Силла в Корее высокого уровня развития достигли всевозможные ремесла. Не исключено, что в период Силла существовало и бумажное ремесло. Во всяком случае, сохранилась бумага периода Силла: один лист *Фаньхань толони* («Санскритско-китайских дхарани»). Это — самый древний из сохранившихся образцов бумаги [Корейская энциклопедия, 1958, с. 580]. В период Корё уже имелось государственное предприятие по производству бумаги, которое называлось *Чисо* («Бумагоделательный цех»). Его продукция отправлялась также в Китай в качестве дани. В Китае корейскую бумагу называли *цзилинъчжи* («корейская бумага») [Энциклопедия истории, 1975, с. 1448] и очень ее ценили³⁰.

При династии Ли производство бумаги значительно расширилось как по количеству, так и по ассортименту. В начале XV в. в Сеуле была открыта бумажная фабрика «Чочжисо», просуществовавшая до 1882 г. Там производили бумагу высокого качества для писем вана, для записей его указов, плотную бумагу для официальных документов, а также для изготовления бумажных денег. «Особенно высокоразвитым было производство бумаги. В „Сечжон силлок“ упоминается около 20 сортов бумаги разного назначения, которые поставлялись из одной лишь провинции Чолла. И здесь ведущее место принадлежало казенному ремеслу, подчиненному особому ведомству по производству бумаги (Чочжисо)» [История Кореи, 1974, с. 193]. Сон Хён писал об изготовлении бумаги в Корее этого периода: «Ван Сечжон (1419—1450) повелел открыть „Бумагоделательный цех“ и изготавливать там бумагу для переписки с иностранными государствами, а также разные сорта бумаги для печатания книг. Было изготовлено много разнообразных сортов бумаги — из овсяной соломы, из ивовых листьев и ивовой древесины, из *ьи*³¹, из стеблей конопли...

²⁸ В Японии (г. Нара, храм Сёсоин) обнаружен отрывок из подвального списка (Силла, VIII в.), в котором есть также описание нескольких деревьев. См. [История Кореи, 1974, с. 89].

²⁹ М. Куран отмечает, что не знает, когда впервые было начато производство бумаги в Корее, и что он не нашел никаких упоминаний о каком-либо другом материале для письма, кроме бумаги [Courant, с. 1895].

³⁰ Цилинь (кор. Керим) — древнее название Кореи.

³¹ *Бля* — невлева слеза; в Европе используется как лекарственное растение.

Бумага всех этих сортов была прекрасной выделки, поэтому и книги, на ней напечатанные, были превосходны. Теперь же бумагу изготовляют только из овсяной соломы да из ивовой древесины. И даже бумагу для переписки с иноземными странами ныне не выделяют так тонко, как прежде» [Полное собрание, 1934, т. 1, с. 111].

Как видно из этого сообщения Сон Хёна, бумага делалась в Корее из самых различных материалов и соответственно называлась. Впрочем, названия сортов бумаги зависели не только от исходного сырья. Так, в «Энциклопедии истории корейского государства» приводится более 60 названий сортов корейской бумаги, среди них: по сырью — 15 названий, по формату и толщине — 13, по окраске — 12, по гладкости — 2, по назначению — 21 [Энциклопедия истории, 1975, с. 1448].

Самым распространенным сырьем для изготовления корейской бумаги, видимо, был луб дерева *так* (*Broussonetia raruifega*, бумажная шелковица). Известно, что начиная с эпохи Корё поощрялось разведение этого дерева, а в период Ли даже вменялось в обязанность: в частности, при местных управах непременно следовало посадить рощу бумажного дерева. Полагают, что и само корейское слово «бумага» — *чони* происходит от слова *чопхи* — «кора дерева *так*» [Энциклопедия истории, 1975, с. 1448]. Разведение бумажного дерева и производство бумаги, видимо, было особенно развито на юге Корейского полуострова — в Самнаме³² [Ким Донюк, 1973, с. 157].

Итак, для производства бумаги в Корее предпочитался луб бумажного дерева. Технология же изготовления была следующей. Кора шелковицы вымачивалась в воде, чтобы легче было отделить луб. Затем луб измельчали и вываривали до получения пульпы. Проваренная пульпа переносилась на специальные квадратные сетчатые рамки, на которых она подсушивалась. Затем влажные листы прессовались при помощи гладких досок, после чего высушивались и отбеливались на солнце. Самую лучшую бумагу изготавливали в Корее осенью, что, вероятно, связано с определенными качествами луба шелковицы в это время года. Эта бумага была очень плотная, гладкая, с оттенком слоновой кости, прочная и гибкая, как ткань [Courant, 1895, с. 41]³³.

³² Самнам — название трех южных провинций Кореи: Чхунчхондо, Чолладо, Кёнсандо.

³³ Не исключено, что корейцы владели некоторыми секретами технологии изготовления бумаги, которые тщательно скрывались. Известны случаи, когда мастера тех или иных ремесел держали в глубочайшей тайне свое искусство, передавая эту тайну по наследству лишь в своей семье.

Обычно бумага из шелковицы изготовлялась трех сортов. Первый сорт ценился очень дорого, и бумага эта использовалась крайне экономно, лишь для «высших» нужд: для дворцовых изданий классических конфуцианских книг, для составления указов вана и других важных государственных документов, для переписки с иностранными государствами и т. д. Бумагу второго сорта (не такую плотную, прочную и пр.) делали из менее концентрированной пульпы, что позволяло получить из того же количества сырья большее число листов. Эта бумага получалась более тонкой, и ее отличительным признаком (помимо качества) были прозрачные полосы, которые оставались после просушки на специальных решетках. Полагают, что бумага эта употреблялась главным образом для написания сочинений на государственных экзаменах [Courant, 1895, с. 42]³⁴. Думается, однако, что этот сорт использовался в основном для конфуцианских и буддийских книг (для которых нередко использовали и бумагу первого сорта), а также для исторических, научных и т. п. книг. Из бумаги второго сорта, кроме того, изготовлялись обложки книг, при этом на нее наводился глянец специальным клейким красящим веществом и оттискивался рельеф. В странах Дальневосточного региона это было отличительной особенностью, вероятно, только корейских книг.

Бумага третьего сорта вырабатывалась из наиболее грубых волокон луба, при изготовлении пульпы добавлялись отходы от производства бумаги лучшего качества, волокна измельчали менее тщательно, отчего и бумага становилась более грубой, некрасивой, неравномерной по толщине, менее прочной, структура ее получалась неоднородной, что приводило к нечеткости печати. На этой бумаге писались (или печатались) «рядовые работы» — письмовники, гадательные книги и, конечно же, простонародная литература. М. Куран подчеркивает, что даже в самых древних книгах, относящихся к династии Корё и ныне хранящихся в буддийских монастырях и некоторых коллекциях в Европе, бумага хорошо сохранилась, не подточена книжными насекомыми и лишь пожелтела от времени [Courant, 1895, с. 43].

Несмотря на то что корейская бумага экспортировалась в разные страны Дальнего Востока, в начале династии Ли в связи с бурным развитием науки, искусства, литературы,

---

³⁴ В этой же работе сообщается и такая любопытная подробность: сочинения затем скупались предприимчивыми торговцами, бумага пропитывалась маслом, отчего становилась еще более прочной и водонепроницаемой, и шла на изготовление вееров, накидок от дождя, покрытия полов в домах и т. п.

книгопечатания в Корее, очевидно, ощущалась нехватка бумаги. Но затем с XV в. открылось производство бумаги на фабрике «Чочжисо» в столице, а также в провинциях частными ремесленниками и, вероятно, в буддийских монастырях³⁵.

Все необходимые материальные предметы для создания рукописной книги — бумага, тушь, кисть — были изобретены в Китае. Но, попав в Корею, получили несомненное развитие и усовершенствование, о чем свидетельствуют некоторые факты — большой спрос на эти товары за границей, появление специальных названий — «корейская бумага», «корейская тушь» и т. д. Прославленную корейскую тушь, центром производства которой был уезд Хэчжу, так же как и отличного качества корейскую бумагу, ежегодно отправляли в Китай по требованию императора в качестве дани. Корейская бумага и тушь неизменно включались в перечень предметов, которые желали получить в Китае [Bishop, 1965, с. 103—104].

Переписка рукописи

Письменный текст в странах Дальнего Востока, как известно, считался не только источником знания, но и произведением искусства. Рукопись, написанная выдающимся каллиграфом, всегда предпочиталась печатному изданию. Недаром именно рукописная книга подготовила форму (материальное оформление) печатной книги — ксилографической и наборной. Создатели печатной книги (особенно при ксилографической печати, где рукопись воспроизводилась факсимиле), по сути дела, стремились воспроизвести, скопировать рукописную книгу сразу в возможно большем количестве экземпляров. Специфика корейской печатной книги (оформление, почерк и т. д.) была определена спецификой рукописной книги, существовавшей изначально³⁶.

³⁵ Маньчжуры, вторгшиеся в Корею в 1637 г., обложили Корею таким высоким обязательным бумажным налогом, что корейцы были вынуждены из-за нехватки сырья производить гораздо более тонкую бумагу. Как полагают некоторые ученые, бумага использовалась маньчжурами не столько для печатания книг, сколько для заворачивания умерших. Изготовление тонкой бумаги продолжалось очень длительное время и после снятия требований маньчжуров. См. [Sohn, 1959, с. 102].

³⁶ Очевидно, в истории эволюции книги эта особенность не является присущей только корейской культуре. Там, где существовала более или менее длительная рукописная традиция и затем возникло книгопечатание, последнее не могло первоначально отойти от форм, выработанных этой традицией. Как известно, первопечатники Европы «в своих первых работах не внесли в облик и конструкцию книг ничего оригинального. Они, по сути дела, стремились воспроизвести манускрипты. Существует

Корейская рукописная книга (в лучших образцах) внешне, на первый взгляд, ничем не отличается от печатной книги — ксилографической или даже наборной. Если же рукопись написана каллиграфически, ее нельзя отличить от печатного текста и по почерку. И только по некоторым признакам (не совсем ровная строка, некоторое различие в написании одних и тех же знаков, истончение линий при отрыве кисти от бумаги, несколько менее яркое написание знаков по мере расходования туши на кисти, едва заметные брызги туши на бумаге и т. д.) можно установить, что перед нами рукопись.

Текст рукописной книги всегда писался тушью при помощи кисти³⁷, дополнения и поправки нередко производились киноварью. Некоторые рукописи написаны красивым, аккуратным почерком — каллиграфически, другие — поспешно и небрежно. Это отмечает в своем исследовании и М. Куран: «Письмо варьируется очень сильно. Иногда оно небрежно и полно сокращений, иногда же — очень изящно, подобно самым лучшим изданиям» [Courant, 1895, с. 62—63].

В своем каталоге В. Е. Скилленд также обращает внимание на почерк рукописей, однако он ограничивается в общем двумя определениями: «изящно написано» («nicely written») либо «торопливо написано» («hastily written»). К числу первых, например, он относит рукописи таких сочинений, как *Намчжон пхальнан ги* («Восемь испытаний во время путешествия на юг») [№ 75], *Оккёнги* («Записки о драгоценном зеркале») [№ 270], *Хонпэкхва чжон* («Повесть о Красном и Белом цветках») [№ 530] и др. К числу вторых — большинство экземпляров рукописных книг, хранившихся в общественных библиотеках и выдававшихся читателям. Так же как и О. П. Петрова, составитель «Описания письменных памятников корейской культуры», В. Е. Скилленд отмечает книги, написанные женским почерком. В частности, к числу таких книг он относит рукопись произведения «Записки о добродетельном поведении принцессы Инхён» [№ 362].

Насколько нам известно, в Корее не было профессиональных переписчиков книг, во всяком случае не было скрипториев, где можно было бы заказать рукописную копию того или иного сочинения³⁸. И лишь в XVIII—XIX вв. началось даже легенда, что Фусту удалось продать несколько первопечатных изданий, выдав их за рукописные, так велико было их сходство...» [Ляхов, 1972, с. 46].

³⁷ За редкими исключениями, относящимися к XX в., когда встречаются рукописные книги, написанные пером и чернилами.

³⁸ В период правления династии Ли при ведомстве архива вана существовали специальные должности мелких чиновников — *сачжагван*, — обя-

изготовление рукописных книг для продажи или по заказу, за определенную плату. Так, М. Куран отмечает, что перепиской книг для продажи не стеснялись заниматься даже янбаны (корейское дворянство) [Courant, 1895, с. 62]. М. И. Никитина и А. Ф. Троцевич обратили внимание на тот факт, что целый ряд рукописей из бывшей коллекции В. Дж. Астона в ИВАН датируется 1884—1885 гг. [Удивительное соединение, 1962, с. 15—16]. И, с нашей точки зрения, они совершенно справедливо полагают, что эти даты являются не датами создания произведений, а датами их переписки. Вероятнее всего, что известный востоковед В. Дж. Астон, будучи в 1884—1886 гг. генеральным консулом Великобритании в Корее, просто заказывал для себя рукописные книги тех или иных интересующих его сочинений, которые он не мог получить в виде печатных или уже готовых рукописных книг.

Известно также, что переписка книг для собственного пользования была широко распространена в среде ученых и янбанов, которые желали иметь в своей библиотеке то или иное сочинение либо хотели подарить его своим родственникам или друзьям. В этих случаях книги писались на бумаге высокого качества каллиграфическим почерком. Нередко переписчик обращался к известным писателям, ученым, каллиграфам с просьбой написать к данному сочинению предисловие (послесловие, посвящение). Такие рукописные книги ценились очень высоко.

Существовала и традиция переписывать свои собственные сочинения. Если писатель был значительным, то его сочинения становились более или менее широко известны и рано или поздно печатались (затем могли снова переписываться от руки). Сочинения же менее известных писателей оставались в рукописях-автографах, например новеллы Ким Чегука и Пак Чонсика (XIX в.). На одной из рукописей (Рукописный отдел ИВАН, В 34) рукой бывшего ее владельца В. Дж. Астона сделана приписка: «Корейский рассказ. Сочинен, записан и переплетен Ким Чегуком (моим учителем корейского языка). В. Астон».

Буддийские рукописные книги переписывались буддийскими монахами или грамотными прихожанами, которые этим актом — перепиской священной книги — стремились снискать расположение к себе божества. Буддийских храмов в Корее было много, однако деревянные блоки для печатания гравировались далеко не в каждом из них. Потребность в

занностью которых было копирование различных документов. Не исключено, что они копировали и книги.

канонических текстах, молитвенниках и т. д. удовлетворялась, таким образом, за счет изготовления рукописных копий.

Помимо религиозных, философских, научных и прочих сочинений копировались, конечно, и художественные произведения. Интерес к художественной литературе был, естественно, более массовым. Причем копии делались, видимо, по разным причинам: потому, что не было возможности печатную книгу получить в свою собственность, или потому, что сочинение вообще никогда не печаталось. Не печатали же либо потому, что не считали произведение достойным печати (и тогда авторы или их почитатели нередко сами размножали сочинение в рукописных списках), либо из цензурных соображений. Например, не печатались (а ходили в рукописях) некоторые сборники так называемой литературы *пхэсоль*. И не только потому, что она считалась «низкой» литературой, но и потому, что в ней нередко содержалась острая критика целого ряда феодальных порядков, высокопоставленных лиц и т. д. Известный корейский литературовед Ким Тхэчжун отмечал, что появление сборников литературы *пхэсоль* было вызвано и недовольством опальных чиновников [Ким Тхэчжун, 1939, с. 40]. Такие сборники, конечно, могли распространяться только в рукописях. По всей вероятности, бытовало в виде рукописной книги и такое очень популярное в XVII—XIX вв. произведение, как «Ночная беседа в Ёровоне» Пак Тусе (род. в 1654 г.), в котором автор подверг критике общественное устройство и политику современного ему государства с позиций прогрессивного идейного движения «Сирхак».

Нередки также случаи, когда печатное издание было утеряно и сочинение сохранялось только в рукописных списках. Вероятно, особенно широко распространялась в виде рукописной книги так называемая народная литература — повести и рассказы, созданные на фольклорной основе и, как правило, анонимные. Очевидно, государство не считало эту литературу достаточно «полезной», а потому и не стремилось ее печатать, хотя в XIX в. было отпечатано ксилографическим способом большое количество народных повестей на корейском языке. Это были дешевые издания на тонкой серой бумаге очень низкого качества.

В своем каталоге В. Е. Скилленд часто упоминает о рукописных книгах, специально изготовленных для общественных библиотек. Он непременно отмечает все эти рукописные книги (копии), однако ни слова не упоминает о том, кем именно они были выполнены — библиотекарями, переписчиками-профессионалами, читателями, бесплатно или за плату.

В. Е. Скилленд пишет, что эти рукописные книги, как правило одинакового формата, содержат примерно по 30 листов в томе и пагинированы. Рукописи эти, указывает он, гораздо небрежнее написаны, почти всегда очень потрепаны и содержат более длинные варианты повестей, чем какие-либо другие тексты [Skillend, 1968, с. 22]. Таких книг в каталоге В. Е. Скилленда отмечено довольно много (напомним, что по содержанию это исключительно художественная литература — классические повести). Характерно, что нередко отдельные тома многотомных сочинений переписывались в разное время и разными переписчиками. Видимо, это было связано с утерей читателями тех или иных томов и с последующим их восполнением. Так или иначе, наличие большого количества рукописных книг в общественных библиотеках конца XIX — начала XX в. свидетельствует о важной роли, которую продолжала играть рукописная книга в культуре Кореи даже и в это позднее время.

Оформление рукописной книги

Традиционная корейская рукописная книга (в основном изготовлявшаяся по образцу китайской) — это тетрадь (блок), сброшюрованная в четырех-пяти местах толстой крученой шелковой нитью. Нить, как правило, одна, цельная, пропускается через все проколы книжного блока и связывается. Она может быть цветной. Иногда блок скрепляется в верхней и нижней части по корешку наклеенными матерчатыми «уголками». Книга непременно имеет переплет, изготовленный из двух отдельных листов толстой (а иногда и тонкой), плотной, гибкой бумаги, подшитых к книге в ее начале и конце (скорее это не переплет, а обложка). Переплет сброшюрован вместе с листами книги. Он нередко бывает сделан из цветной бумаги (оранжевой, темно-желтой, светло-коричневой) с нанесенным на нее при помощи специальных досок рельефом, бумага переплета — гляцевитая в результате покрытия особым составом. Корешок книжного блока при этом остается открытым.

Иногда книга (особенно если сочинение состоит из нескольких томов-тетрадей) помещается для хранения в специальный картонный футляр (картонаж), сделанный из плотной бумаги и оклеенный материей (обычно синего цвета). Он изготовляется по размерам книги (или нескольких томов, которые должны быть заключены в него) в виде своего рода «папки», причем открытыми остаются верхний и нижний обрезы книги: на них нередко писалось ее название. На кар-

тонаже две застешки в виде петель, в которые вставляются костяные пластинки.

Текст отбивается от края рукописи полями, отличающимися по ширине: самое узкое — ближайшее к корешку поле, значительная часть его скрыта брошюровкой, самым широким нередко оставляется верхнее поле, на котором иногда делаются различные приписки, вставки, пояснения и т. д. Листы корейской рукописи, как и печатных изданий, двойные (сложенные вдвое), так как текст обычно проступает на обороте листа из тонкой бумаги.

Листы рукописной книги могут иметь ксилографическую рамку, как на печатных изданиях, с вертикальными разграничительными линиями и традиционной эмблемой корейской книги — трех- или четырехлистником на сгибе. Рамка разделена на несколько полос (чаще — десять) одинаковой ширины. Иными словами, такая книга выглядит примерно как современная европейская линованная тетрадь. Несомненно, это делалось для того, чтобы можно было получить ровную строку при переписке текста, а также для удобства его восприятия: сама рамка и вертикальные разграничительные линии способствовали концентрации внимания при чтении текста.

Таким образом, можно сказать, что создатели корейской рукописной книги учитывали функциональные элементы, способствующие удобочитаемости текста. Этой же цели служило и его членение. Крупное сочинение делилось на книги, или тома, — *чхэк*, и каждая книга изготовлялась в отдельном переплете, на котором (а нередко еще и на титульном листе или перед началом текста) писали название всего сочинения и название данной книги, если оно имелось. Нередко название повторялось и на нижнем обрезе блока. Это делалось для того, чтобы, не снимая книги с полки, можно было прочесть название сочинения (книги хранились «лежа»).

Непременно указывался порядковый номер книги-тома. Как правило, нумерация производилась числительными в иероглифическом написании: *иль*, *и*, *сам*, *са* («первый, второй, третий, четвертый») и т. д. Применялись и другие способы обозначения последовательности томов. Так, например, в рукописной книге *Чоя кимун* («Столичные и провинциальные анналы», Рукописный отдел ИВАН, С 62) для нумерации томов использованы названия пяти первоэлементов натурфилософии: *кым* («металл») — т. 1, *мок* («дерево») — т. 2, *су* («вода») — т. 3, *хва* («огонь») — т. 4, *тхо* («земля») — т. 5. А тома сочинения *Намхан ирги* («Намханский дневник», Д 45) пронумерованы иероглифами, обозначающими времена:

года: *чхун* («весна») — т. 1, *ха* («лето») — т. 2, *чху* («осень») — т. 3, *тон* («зима») — т. 4. Если сочинение состояло из трех томов, использовались иероглифы: *сан* («верх») — т. 1, *чун* («середина») — т. 2, *ха* («низ») — т. 3; если же было два тома, то они обозначались как *сан* («верх») — т. 1 и *ха* («низ») — т. 2. Если на переплете или на титульном листе писался иероглиф *чон* («весь, полностью, целиком»), то это означало, что все сочинение помещено в одном томе. На некоторых рукописных книгах, состоящих из нескольких томов, на обложке и на нижнем обрезе каждого тома указывалось общее количество томов, например *кон сип* («всего десять»), т. е. все сочинение состоит из десяти томов.

Каждый том, в свою очередь, подразделялся на части (*квоны*), которые могли быть либо озаглавлены, либо не озаглавлены. Квон состоял обычно из 20—30 листов. Листы всегда пронумеровывались только иероглифами (а не в корейской графике), отдельно для каждого тома. Пагинирующий иероглиф писался (если книга не была уже пронумерована ксилографическим способом при нанесении рамки, разграничительных линий и эмблемы корейской книги) на полях или на сгибе в нижней трети листа, изредка — на верхнем поле выше текста. Иногда встречаются рукописи, в которых пагинация отсутствует.

Удобству восприятия текста был подчинен и такой рубрикационный прием, как его членение. Начало текста сочинения, тома или части всегда обозначалось «красной строкой» (абзачным отступом), т. е. первая строка начиналась не от верхней границы текстового пятна, а ниже на один-два знака. Так же выделялись иногда и перемена темы, переход к описанию другого события и т. д. Этой же цели могли служить и специальные значки — кружочки (иногда соответствующие по размерам письменному знаку).

Название сочинения обычно писалось крупными иероглифами (это часто делалось даже в тех случаях, когда сам текст сочинения был написан в корейской графике) на обложке, чаще — в левом верхнем углу, повторялось на титульном листе, иногда еще и перед началом текста и после него, а также и на нижнем обрезе книги. Можно встретить и такие рукописные книги (особенно с матерчатými переплетами), на которых название сочинения написано не на самой обложке, а на этикетке, наклеенной на нее.

Рукописные книги (по данным Рукописного отдела ИВАН) бывают различного формата, в среднем от 22×17 до 33×21 см, размеры текста — от 17×10,8 до 29×18,5 см. На одной стороне листа помещается от 8 до 20 строк. Обычно

каждая строка содержит от 18 до 20 знаков. Причем даже в одной рукописи количество строк на листе и количество знаков в строке может не совпадать, а колебаться в тех или иных пределах.

Иллюстрации

Корейская рукописная книга обычно отличается простотой, «строгостью» внешнего оформления. Как правило, в ней отсутствуют красочные рисунки или еще какие бы то ни было «украшения». Разумеется, это не касается дворцовых, а также некоторых буддийских рукописей. М. Куран упоминает о рукописях, вывезенных в 1866 г. из Кореи военной экспедицией адмирала Роза (хранятся в Национальной библиотеке в Париже), в которых описаны различные дворцовые церемонии [Courant, 1895]. Рукописи эти написаны каллиграфическим почерком, украшены цветными иллюстрациями. Бумага великолепна, переплет прошит зеленым шелком, корешок закрыт деревянной пластиной, скрепленной планками из украшенной рельефом меди. Не только хорошо выполненными рукописными копиями, но и настоящими произведениями искусства, по мнению М. Курана, являются и две буддийские рукописи: одна — «*Maḥāvaiṇya purnabuddha sūtra*» (1446 г.), найденная внутри буддийской статуи и хранящаяся в коллекции Варà, другая — «*Buddhavatamsaka mahāvaiṇya sūtra*» (Британский музей). Обе эти рукописи сделаны в виде складной ширмы (гармоники?), написаны на очень плотной бумаге, покрытой синей краской. Иероглифы написаны каллиграфическим почерком золотой краской [Courant, 1895, с. 63—64].

Художественные произведения, кажется, могли бы быть иллюстрированы, но и здесь рисунок встречается очень редко. В каталоге классических повестей В. Е. Скилленда упоминается только одна рукопись, на которой есть рисунки (цветы и птицы, нарисованные пером и чернилами), — это «Повесть о Сукхян», популярнейшее произведение позднего средневековья. К тому же В. Е. Скилленд предполагает, что список и рисунки выполнены японцем.

Гораздо чаще иллюстрациями снабжались ксилографические издания. Это, очевидно, объясняется тем, что для иллюстрирования ксилографических изданий обычно привлекались известные художники, рукописи же, как правило, копировались лицами, не умеющими рисовать. Так, например, рисунки для ксилографического издания сочинения китайского автора

щин») были заказаны известному корейскому художнику Ли Санчва (XVI в.). Вот что пишет об этом видный представитель литературы *пхэсоль* О Сукквон (XVI в.) в сборнике *Пхэгван чанки* («Литераторская смесь в духе байгуаней»): «В год *камё* (1543 г.) своего правления государь Чунчжон передал Ведомству церемоний сочинение Лю Сяна „Жизнеописания знаменитых женщин” и повелел перевести его на наш язык. В Ведомстве церемоний перевести книгу приказали Син Чжону и Лю Чхиму, а переписать перевод — Лю Иксу. К оригиналу были приклеены рисунки Гу Кай-чжи, однако с течением времени печать стерлась, и они стали плохо видны³⁹. Поэтому перерисовать рисунки с оригинала было поручено Ли Санчва. А когда книгу напечатали, то оказалось, как это было и в подлиннике, что во главе каждого квона написано: „Составил ханьский Лю Сян, рисунки сделал цзиньский Гу Кай-чжи”. Если эта книга дойдет до следующих поколений, то кто будет знать, что рисунки к ней делал Ли Санчва?» [Полное собрание, 1934, т. 1, с. 245].

Целый ряд иллюстрированных ксилографических изданий отмечен в работе Чхве Хёнбэ *Хангыльгаль* («Путь корейской письменности») [Чхве, 1942].

В рукописной книге чаще рисовались географические карты, схемы и т. д. — в зависимости от содержания. Как отмечает М. Куран, в астрономических, математических, медицинских, военных книгах иллюстрации выполнены в одну черту — «без малейших претензий на художественность». Больше иллюстраций встречается в книгах, касающихся различных церемоний (ритуала). На этих рисунках представлены процессы, танцы, одежды, музыкальные инструменты и т. д., использовавшиеся при различных церемониях. В ИВАН имеется ксилографическое издание 1878 г. «Распорядка церемоний на ванском банкете» [Петрова, 1959, с. 70]. Здесь воспроизводятся планы дворцов и залов для банкетов, рисунки с изображениями танцовщиц, исполняющих различные танцы, рисунки музыкальных инструментов, мебели, костюмов, светильников, занавесей и прочих аксессуаров банкета. Перспектива в этих рисунках отсутствует. М. Куран упоминает о нескольких рукописях с рисунками, изображающими различные празднества. «Рисунки эти очень контрастны, — пишет он, — так как отсутствуют свет и тень, но, с другой стороны, здесь тщательно выдерживается перспектива. Точка перспективы расположена очень высоко, и эффект подобен многим европейским рисункам средних веков» [Courant, 1895, с. 65—66].

³⁹ Рисунки были воспроизведены ксилографическим способом.

Корейская рукописная книга очень часто не имеет колофона, т. е. не указывается ни автор сочинения, ни переписчик, ни время и место переписки. Это приводит к большим трудностям в идентификации тех или иных сочинений и их рукописных копий.

В. Е. Скилленд, которому удалось ознакомиться с большей частью государственных и частных коллекций старых корейских книг в мире, говоря о колофонах, замечает следующее: «В некоторых случаях, когда это возможно, указывается в виде краткого замечания характер рукописи. Часто в колофонах рукописей дается много подробностей, которые я опускаю, — имя переписчика, его адрес, возраст и т. д., день и даже час, когда он начал и когда он кончил снимать копию, и почти всегдашнее извинение за качество работы. В свое время такие вещи должны быть исследованы более тщательно, но для настоящего момента я считал достаточным указать место, название, дату и формат рукописи, количество томов, листов по томам, строк на одной стороне листа и приблизительное количество слогов в строке» [Skillend, 1968, с. 22].

Ввиду того что мы не располагаем столь подробными колофонами, а в каталоге Скилленда опущены многие, необходимые для нашего исследования детали, у нас нет возможности ответить на такие вопросы, как, например, кем и с какой целью изготовлялись рукописные книги (для личного пользования, для библиотек, для продажи и т. д.), отличается ли рукописная книга от наборной или ксилографической наличием или отсутствием колофонов, их характером (полнотой или краткостью) и т. д. Один из наиболее полных колофонов, приводимых В. Е. Скиллендом, есть в рукописи *Чиндэпан чжон* («Повесть о Чэн Да-фане») [№ 432], где указано, что данная рукописная копия снята Хасимото в 1898 г. с текста, датированного 1896 г., в Нампхёне провинции Южная Чолладо.

Корейская рукописная книга может быть датирована несколькими способами. Одной из распространенных форм датировки является датировка при помощи системы летосчисления по 60-летним циклам, принятой в странах Дальневосточного региона. Однако такая датировка достаточно неопределенна, так как то или иное сочетание циклических знаков может иметь место в каждом 60-летнем цикле. Поэтому без учета дополнительных данных по этой системе точно установить дату написания или переписки рукописной книги не-

возможно. В. Е. Скилленд при определении даты таких рукописей предлагает следующий выход из положения: он дает ту дату, которая кажется ему наиболее поздней, и добавляет: «и т. д.». Например, «*муин*, 1878 г. и т. д.», имея в виду, что так мог быть обозначен 1818 г. или даже еще более ранний, но что 1938 г. очень маловероятен, а 1878 г. — наиболее вероятная дата [Skillend, 1968, с. 22].

Иногда автор или переписчик, для того чтобы избежать этой неточности, давал, так сказать, «двойную» датировку, т. е. применял помимо циклических знаков еще одну из других форм датировки. Например, так датирована известная корейская энциклопедия *Тонгук мунхон пиго* («Энциклопедия Восточного государства») в сорока томах-книгах, составленная по указу вана Ёнчжо (1725—1776) и напечатанная подвижным шрифтом в 1770 г. В ИВАН хранится рукописный список с этого издания (с некоторыми композиционными отклонениями от издания), воспроизводящий колофон наборного издания. Здесь можно увидеть, что помимо циклического обозначения года издания указывается еще и соответствующий год правления корейского вана: «[Напечатано] в первый день первого весеннего месяца года *кёнин*, [т. е.] в 46-м году [после] восшествия на престол [вана Ёнчжо]». В данном колофоне имя вана не указано, так как в издании имеется предисловие, написанное самим Ёнчжо. В сущности, год *кёнин* по европейскому летосчислению может соответствовать и 1710, и 1770, и 1830 г. и т. д. Но поскольку известно, что ван Ёнчжо правил с 1725 по 1776 г., устанавливаем, что и год *кёнин*, и 46-й год правления [вана Ёнчжо] соответствуют по европейскому летосчислению 1770 г.

Иногда рукопись может быть датирована при помощи китайских девизов правления в сочетании с циклической датировкой. Так датирована рукопись (хранится в ИВАН) десяти томного сочинения известного корейского ученого Чон Якёна (1762—1836), написанного в 1822 г., *Хымхым синсо* («Новая книга по криминологии»): «[Составлено] Чон Ёном в Ёльсу весной [года] *имо*, [т. е.] во второй год Дао-гуан». По таблице 60-летних циклов можно установить, что сочетанием знаков *имо* могут быть обозначены годы 1762, 1822, 1882-й и т. д. Известно также, что китайский девиз правления Дао-гуан соответствует 1821—1850 гг. Таким образом, второй год Дао-гуан соответствует 1822 г., эта же дата может быть обозначена и годом *имо*.

Возможна датировка корейской книги тем или иным годом китайского девиза правления и без циклических знаков: «27-й год Хун-у [династии] Мин», что соответствует 1394 г. —

так датировано послесловие к *Самгук саги* («Исторические записи трех государств») Ким Пусика (1075—1151). Так же датировано письмо корейского вана китайскому императору (копия письма хранится в ИВАН): «Восемнадцатый день десятого месяца 18-го года Цзя-цин», что по европейскому летосчислению соответствует 22 ноября 1813 г.

Встречаются корейские рукописные книги, датированные и японскими девизами правления. Например, в каталоге В. Е. Скилленда под № 126 значится произведение *Пэкхаксон чжон* («Повесть о веере из перьев белого аиста»). Книга датирована 35-м годом Мэйдзи, что соответствует 1902 г. Рукопись написана пером и чернилами, это является редкостью для корейской книги. Вероятно, копия сделана японцем (в каталоге В. Е. Скилленда отмечен целый ряд корейских книг, скопированных японцами).

Можно встретить также датировку книги тем или иным годом правления корейских императоров⁴⁰: «Корея. Третий год Чунхве». Третий год Чунхве соответствует 1909 г. Так датирована рукопись сочинения *Сосан ги* («Записки о западном флигеле», в каталоге В. Е. Скилленда значится под № 169).

Датировка рукописной книги осложняется иногда уже не тем, что отсутствует колофон, а, напротив, тем, что рукопись бывает датирована дважды, причем даты указаны различные. Например, в рукописи *Юсочже чжон* («Повесть о Лю Шао-чжу», в каталоге В. Е. Скилленда — № 318) две даты: на л. 1 — год *ыльмё*, что соответствует 1915 г., а в колофоне — год *муо*, что соответствует 1918 г. То же наблюдается и в рукописи *Тхокки чжон* («Повесть о зайце», по В. Е. Скилленду — № 468): на обложке указан 1910 г., а в самой рукописи — 1905 г. Объяснить это обстоятельство затруднительно, остается только строить предположения. Можно, например, считать, что более поздняя дата относится к данному списку, а более ранняя — к тому, с которого сделана копия. При рукописном копировании или при переиздании (ксилографическом или наборном) очень часто сохранялась дата оригинала или более раннего списка (издания), с которого снималась копия. Причем иногда новая копия не датировалась вовсе, что может ввести в заблуждение исследователя.

Нередко тома многотомного сочинения датированы по-

---

⁴⁰ Предпоследний ван династии Ли, Кочжон (1897—1907), был провозглашен императором и правил под девизом Кванму. Его сын Сунчжон (1907—1910) правил под девизом Чунхве; под давлением империалистической Японии в 1910 г. отрекся от престола в пользу японского императора.

разному: вероятно, это происходило при восстановлении утраченных томов и чаще случалось с библиотечными книгами, отдельные тома которых терялись читателями и затем восстанавливались заново. Так, В. Е. Скилленд приводит следующую датировку томов сочинения *Чхансон гамый нок* («Записки о добре и справедливости», № 441): т. 1—3 датированы годом *ыльса* (1905 г.), т. 4 — *синчхук* (1901 г.), т. 5—10 — *имчжа* (1912 г.). Думается, что это свидетельствует либо о специальном дописывании утраченных томов, либо о том, что сочинение собрано из разрозненных томов, переписанных в разные годы.

Так обстоит дело с датировкой корейской традиционной рукописной книги. О других же компонентах колофона, помимо того, что было уже здесь сказано, у нас нет достаточной информации.

О РУКОПИСЯХ, ХРАНЯЩИХСЯ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

В корейском фонде ксилографов, старопечатных и рукописных книг ИВАН в Ленинграде хранится около 50 рукописей. Большую же часть фонда составляют ксилографические издания, есть и некоторое количество изданий подвижным шрифтом. Сравнительно небольшой корейский фонд ИВАН имеет, однако, большую научную ценность. В виде рукописной книги, в частности, здесь хранятся важнейшие для изучения истории культуры корейского народа письменные памятники.

Известно, например, что историографический памятник, сыгравший большую роль в развитии корейской культуры (в частности, литературы), *Самгук саги* («Исторические записи трех государств», 1145 г.) немедленно после составления был издан ксилографическим способом и, вероятно, в период Корё издавался неоднократно. Однако уже к концу XIV в. не сохранилось ни одного экземпляра первопечатных изданий, и если бы не существовали рукописные копии этих «Записей», то крупнейший памятник корейской культуры был бы утрачен безвозвратно.

После исчезновения печатных изданий в конце XIV в. Ким Коду подготовил текст для ксилографического издания. Впоследствии «Записи» переиздавались неоднократно и подвижным шрифтом, и ксилографическим способом, но тем не менее имели хождение и рукописные копии.

«Записи» дают богатейший материал для изучения истории и истории культуры корейского народа древнейшего периода — эпохи Трех государств (Когурё, Пэкче и Силла), существовавших на Корейском полуострове в III—VII вв. Несомненно, большой интерес для изучения корейской культуры, в частности для изучения истории эволюции корейской книги, представляет собой и экземпляр «Записей», хранящийся в ЛО ИВАН. Особенностью данного экземпляра является то, что он сборный: в нем представлены все три способа изготовления традиционной книги — рукопись, ксилограф, набор. Сочинение состоит из восьми томов, которые подразделяются на 50 квонов: тома 1, 2, 3, 5 — рукописная книга, том 6 — ксилограф, тома 4, 7, 8 изданы подвижным шрифтом. Прежде всего остается нерешенной проблема датировки этого экземпляра сочинения: ни один том не датирован. Вероятнее всего (поскольку экземпляр сборный), рукописные, ксилографический и наборные тома были воспроизведены в разное время. Видно, что данный экземпляр именно собирался: тома подбирались один к другому по формату, цвету обложки, почерку и т. д. Можно предположить, что восстанавливалось какое-то издание подвижным металлическим шрифтом, от которого сохранились только 4, 7 и 8-й тома. К ним был добавлен 6-й том какого-то ксилографического издания и, может быть, специально дописаны 1, 2, 3 и 5-й рукописные тома. О. П. Петрова полагает, что по характеру шрифта печатные тома можно датировать началом XV в.: тома 4, 7 и 8 «являются первоизданием (подвижный шрифт изобретен в 1403 г.) и представляют мировую редкость» [Петрова, 1956, с. 21]. Однако этот вывод не подтверждается доказательствами, и для установления даты издания томов требуется тщательное исследование.

С нашей точки зрения, могло бы оказаться весьма интересным сопоставление трех разных способов реализации текста — рукописного, ксилографического и наборного, — тем более что они представлены в одном сочинении. Вероятно, это подтвердило бы ту мысль, что создатели традиционной корейской книги — независимо от способа передачи текста — стремились к единообразию, что свидетельствует о существовании устойчивых норм оформления книги.

Из рукописей других исторических сочинений, хранящихся в ИВАН, несомненный научный интерес представляют *Тонгук саряк* («Краткая история Восточного государства», С 55), составленная в XV в. несколькими авторами (рукопись не датирована, но сверена с датированным списком 1686 г.), и *Хэдон ёкса* («Узоры истории страны к востоку от моря», С 48)

Хан Чхюна (1765—1814)⁴¹. Последнее является описанием истории Кореи с древнейших времен до воцарения династии Ли. Этот фундаментальный труд состоит из 85 квонов, при его написании было учтено более 500 корейских, китайских и японских источников. Уже один только перечень разделов этого сочинения позволяет судить о его чрезвычайной важности для изучения истории и культуры корейского народа: история, астрономия и летосчисление, этикет, музыка, военное дело, уголовное право, продукты питания и имущество, местные продукты, нравы и обычаи, дворцовые палаты, чиновничество, буддизм, посольства, искусство и литература, география и т. д.

Один из самых интересных периодов в истории Кореи отражен в книге *Намхан ирги* («Намханский дневник», Д 45). «Дневник» написан Сок Чихёном (род. в 1610 г.), в нем описываются события с января по март 1637 г., во время осады маньчжурами корейской крепости Намхан, где укрывался ван Инчжо со своими приближенными. Долгое время «Дневник» хранился в рукописи, и только в 1753 г. Ли Кичжин, установив, что изложенные в нем факты соответствуют действительности, отредактировал и опубликовал его. «Дневник» имел хождение и в рукописных списках. В частности, экземпляр, хранящийся в ИВАН, — недатированная рукопись⁴².

Интересен в научном отношении и еще целый ряд исторических сочинений, а также сочинений по истории конфуцианства в Корее, географии, этнографии, праву, языку и т. д., хранящихся в ИВАН в виде рукописных книг.

Большую ценность представляют рукописи, содержащие произведения художественной литературы. Среди них можно выделить несколько многотомных романов. Жанр романа, развившийся в Корее в XVII—XVIII вв., очень мало изучен, некоторые произведения не были даже опубликованы и сохранились только в рукописях. В ИВАН хранятся рукописи семи написанных на онмуне романов, которые почти не исследованы⁴³. Интересно то, что романы эти написаны на национальном корейском языке в условиях, когда официальным государственным языком и языком «высокой» культуры

⁴¹ В «Описании» О. П. Петровой [Петрова, 1956, с. 28] неверно даны перевод названия этого сочинения («Древняя история Кореи»), транскрипция имени автора (Чжи Ён), даты жизни автора («род. в 1729 г., год смерти неизвестен»).

⁴² В «Энциклопедии корееведения» это сочинение также помечено как рукопись [Энциклопедия корееведения, 1972, с. 181].

⁴³ В 1962 г. была издана факсимиле только первая книга романа «Удивительное соединение двух браслетов» с переводом, комментарием и исследованием [Удивительное соединение, 1962].

был ханмун. Очень важно было бы установить, почему стали появляться в массе и романы, и повести, и новеллы на корейском языке. Видимо, не только потому (как это иногда утверждается), что их писали женщины или для женщин, т. е. для не владеющих ханмуном.

В собрании ИВАН хранятся также уникальные рукописи новелл Ким Чегука и Пак Чонсика (С 5, С 13, В 34). Изучение этих памятников показывает, что новеллы созданы в лучших национальных традициях жанра и, более того, являются собой новую ступень развития жанра в идейно-художественном отношении: в некоторых из них усматривается отход от традиционного метода изображения действительности, приближение к реализму. Публикация и исследование этих рукописных произведений, несомненно, позволят восполнить существующий ныне пробел в изучении новеллистической литературы позднего средневековья.

Таким образом, рукописная книга играла выдающуюся роль в эволюции корейской культуры. Исследование рукописных памятников корейской литературы, в том числе и хранящихся в ИВАН, является делом большой важности для изучения как истории рукописной книги, так и корейской традиционной культуры.

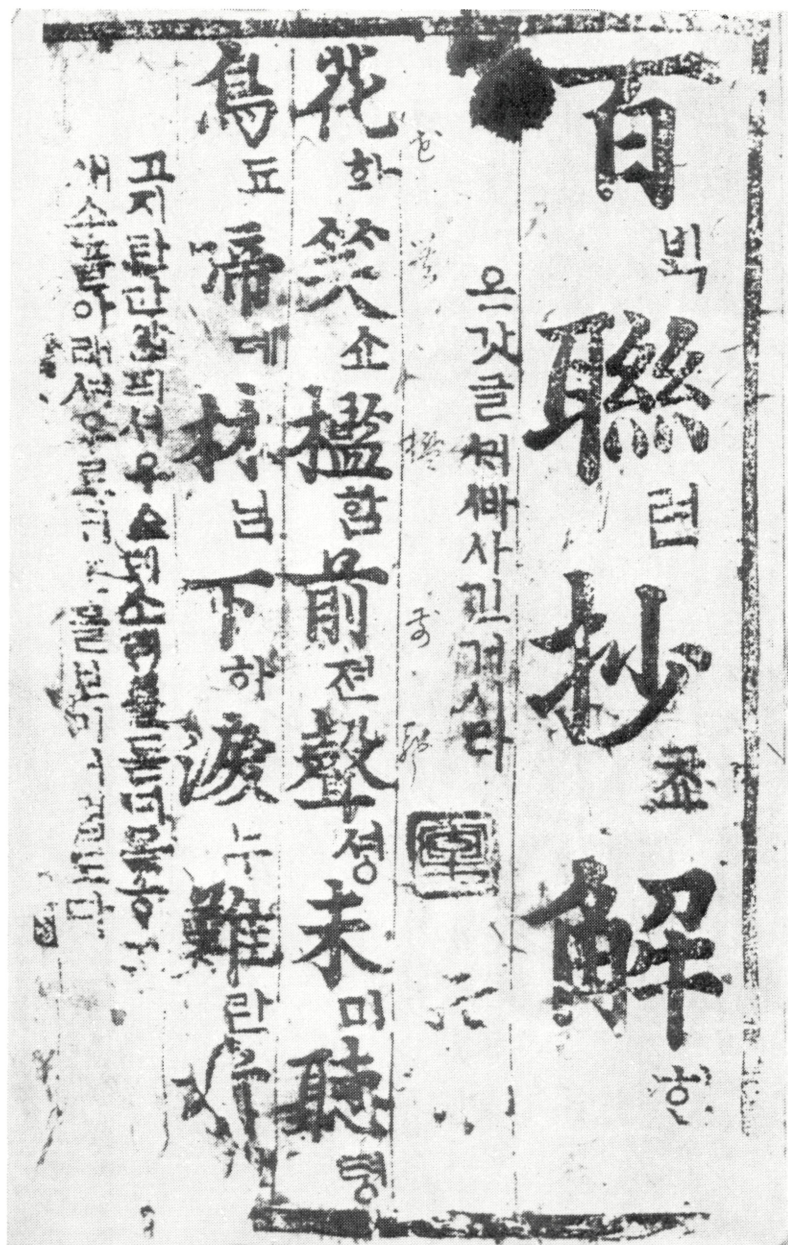

Рис. 20. К статье Д. Д. Елисеева. Одно из самых ранних печатных корейских изданий, содержащее антологию лирических стихотворений XVI в. Ксенограф. В-3, л. 1а

崔忠傳

新羅時節

崔忠

名士

洪

테 실나 시 절의 최 통이라 호느 명 석이 석 되 호

門
巨
族

有餘

及
茅

불기 죽이오세 조유여하나
하도록 급제 된지 못

關士

樹阿

穿

想

충고한대로 이치나 바름 나라히 비적상

後裔

文昌令

의 후예라 하여 본창령을 하이시니 문득즐거

室內怪異

緣故

아니 할 거 날 그 실 너 이 히 너 제 그 연 근 를 부 른 데

崔忠

沈吟不答

文
昌

최통이 침슴부답호가가 내려드르나 문향

怪異

变

負

室內

고을의 리이 혼변이 일사기 느원마 각그실너도

過年

女
息

일고라녀흔녀식도실노카흔녀아모리비술이